

Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации

Е. Н. ШАПИНСКАЯ

(РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРОЛОГИИ)**

Проблема Другого приобрела важное место в современных исследованиях культуры и общества. В статье выделяются несколько видов Другого, наиболее часто репрезентируемых в различных культурных формах, особенно в популярной культуре (этнический, гендерный, субкультурный, экзистенциальный и животное как Другой). Эти репрезентации отражают отношение к Другому в культуре и в то же время конструируют его, особенно в массовом сознании. В движении от литературных к более популярным жанрам «другость» персонажей усиливается, показывая устойчивость бинаризов и отторжение «другости» в популярной культуре. В то же время некоторые социальные практики ведут к сдвигам в бинарных структурах или к их деконструкции.

Ключевые слова: репрезентация, инаковость, интерсубъективность, бинарность, деконструкция, этничность, культурный плюрализм, постмодернизм.

The Image of the Other in the Texts of Culture: the Policy of Representation

E. N. SHAPINSKAIA

(THE RUSSIAN INSTITUTE OF CULTUROLOGY)

The problem of the Other is quite important in contemporary research on culture and society. In the article several types of the Other that are being represented in different cultural forms most often, especially in popular culture (ethnic, gender, subcultural, existential and animal as the Other), are discerned. These representations reflect the attitude to the Other in culture and at the same time construct it, especially in mass consciousness. In the movement from literary to more popular genres the «otherness» of characters is being intensified, showing the stability of binarisms and abruption of «otherness» in popular culture. At the same time, certain social practices are leading to the shifts in binary structures or to their deconstruction.

Keywords: representation, otherness, intersubjectivity, binarity, deconstruction, ethnicity, gender, cultural pluralism, postmodernism.

Проблема Другого является одной из наиболее обсуждаемых в современном культурологическом дискурсе. Занимаясь в течение многих лет проблемой Другого на теоретическом уровне, можно сказать, что для выхода на новый уровень теоретического обобщения необходимо обратиться к многочисленным репрезентациям «другости» в текстах культуры, которые и являются основой для формирования коллективных представлений о Другом. Расхожие мнени-

я, популярные представления, доксы формируются через репрезентации в массмедиа и популярной культуре в целом. Но и более глубокие идеи основываются на репрезентациях «другости» в культурных текстах, которые в свою очередь продуцируются в соответствии с превалирующим отношением к Другому в культуре и социуме. Поскольку в плюральном мире современной культуры соседствуют различные модели отношения к Другому, а сама субъектная позиция ста-

* Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского гуманитарного научного фонда (проект № 09-03-00086а).

** Шапинская Екатерина Николаевна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского института культурологии. Тел.: (495) 959-09-02. Эл. адрес: reenash@mail.ru

вится под вопрос в поисках самоидентификации, отношение к Другому в культурных текстах амбивалентно. С одной стороны, это отторжение Другого, враждебность к нему, коренящаяся в принципах этноцентризма, перенесенных и на другие типы Других. С другой стороны, происходит присвоение Другого, которое также может носить двойной характер: наделения его «своими» качествами и признание «другости» без сопутствующей враждебности. Распространенной культурной практикой стало «присвоение» Другого, в особенности в массовой культуре, легко заимствующей культурные формы, которые еще недавно считались экзотическими и вызывали недоумение или усмешку. Этому можно найти примеры в области моды, кулинарии, музыки, рекреации.

Мы постараемся показать, что в современной культуре представлены различные модели отношения к Другому, причем в постмодернистских текстах акцент смещается на снятие жесткости субъектно-объектной оппозиции, в то время как тексты популярной культуры направлены зачастую на усиление черт «другости», на ее последующее отторжение. В культурных текстах мы также сталкиваемся с различными подходами к Другому (эволюционизм, универсализм, культурный плюрализм), и политика репрезентации акцентирует тот или иной подход в зависимости от господствующего в «легитимной», официальной культуре отношения, что соседствует и субверсивными стратегиями текстов, выходящих за рамки массового культурного производства.

Для нашего анализа мы выделили несколько видов Другого, наиболее часто становящихся предметами репрезентации в текстах современной культуры. На их примере мы и попытаемся обрисовать процессы децентрации традиционных бинаризов, с одной стороны, и их устойчивость, с другой стороны. Мы прекрасно осознаем, что этот Другой предполагает нашу субъектную позицию, что мы также предстаем Другими с точки зрения интересубъективности. Тем не менее мы все же предпримем это исследо-

вание, чтобы понять, где старые оппозиции разрушаются, и возникают ли на их месте новые, подтверждая универсальность бинаризма, о котором мы говорили вначале. Тексты, на которых основано наше исследование, взяты из литературы и из кино — тех областей репрезентации, которые оказывают наибольшее влияние на формирование определенных стереотипов и отношений в сознании читателя или зрителя. Существуют и другие области репрезентации — массмедиа, визуальные образы, артефакты, особенно принадлежащие массовой культуре, — которые могут быть в дальнейшем исследованы дополнительно, но, на наш взгляд, именно литературные и кинотексты служат основой формирования отношения к Другому в культуре. Для обобщения тенденций в репрезентации Другого мы выбрали тексты, основанные на определенной модели и воплощающие разные формы репрезентации (биографическое исследование — книга, находящаяся между беллетристикой и документалистикой, — фильм). К нашему анализу вполне применим подход, эксплицированный Ц. Тодоровым в его работе «Введение в фантастическую литературу»: «...вовсе не обязательно изучить все проявления данного феномена, чтобы дать его описание» (Тодоров, 1997: 1). Следуя этому, мы остановимся на некоторых отобранных нами текстах, хотя расширять их количество можно до бесконечности. Для культурных производителей Другой привлекателен, это универсальная фигура, существующая в разных культурных контекстах и являющаяся источником репрезентаций в разных видах культурных текстов. По мере приближения к популярной культуре черты «другости» усиливаются, вплоть до гротеска, проводя идею неприемлемости и наказуемости пренебрежения общественными нормами и условностями. Осознавая схематичность и неполноту предложенной нами типологии, остановимся все же на следующих видах Другого, являющихся объектом репрезентации в текстах культуры.

1. ЭТНИЧЕСКИЙ ДРУГОЙ

Репрезентациями этничности буквально заполнены тексты во всех формах современной культуры — от литературы до медийной рекламы. Отношение к этническому Другому в культуре весьма показательно для тех процессов, которые происходят как в практиках, так и в теоретической рефлексии. В области репрезентации этничности соседствуют стереотипы, основанные с традиционными бинарными оппозициями типа Запад/Восток и новые политики репрезентации, осуществляемые в рамках постколониального дискурса. Если вплоть до 80-х годов XX в. в рассмотрении этнического Другого преобладал взгляд на «восточные» культуры как на объект, обладающий всеми чертами «дружести», которые усиливались в репрезентациях, особенно в области популярной культуры, то в последние декады прошлого столетия происходит пересмотр дискурса «ориентализма», выработанного «Западом» в течение многих столетий¹. Поскольку «подчиненный» объект был долгое время лишен голоса, создавалась привычка принимать за его голос голос субъекта, обладающего «властью-знанием» и говорящего от его лица. В период деколонизации создается новое пространство субъектных позиций, в которых Другой получает возможность не только рефлексировать собственную идентичность, но и деконструировать «Запад» как субъект дискурса этничности. Первая задача осложняется тем, что эта идентичность является во многом сконструированной «Западом» и устойчивые стереотипы этих конструкций переходят и в постколониальные дискурсивные практики. Изменение соотношения «Запада» и «Востока» в постколониальном дискурсе ведет и к пересмотру «Западом» собственной идентичности. В новом теоретическом контексте предлагается «под Другим понимать не только незападного (национального, постколониального) другого, но другого, как а) внутри Запада... так и внутри б) национальной/локальной культуры» (Жеребкина, 2007: 268). Представление себя как

Другого, деконструкция собственной субъективности как некой монолитной сущности — сравнительно новое явление в области репрезентации, иллюстрирующее постколониальный сдвиг в отношении к этническому Другому.

2. ГЕНДЕРНО ОБУСЛОВЛЕННЫЙ ДРУГОЙ

Эта «дружость» основана как на сексуальном, так и гендерном признаке. В течение долгого времени женщина оставалась одним из самых значимых Других культуры. Роль Другого приписывалась ей андроцентрической культурой, где власть концентрировалась в руках маскулинного субъекта. Неоспоримость этой власти обосновывалась биологическими факторами пола, которые были поставлены под вопрос в такой сравнительно недавно сформированной области знания, как гендерные исследования. Закрепленность «дружести» женщины в культуре отмечала еще Симона де Бовуар в своей классической работе «Второй пол». Женщина является вечным Другим, по ее мнению, по причине культурной закрепленности маскулинного субъекта. «Как же случилось, что между полами эта обоюдная направленность (индивидов и групп, благодаря которой Другой перестает быть абсолютным понятием и обнаруживает свою относительность) не была установлена, что один из терминов утвердился как единственно существенный, отказав второму в какой бы то ни было существенности, определив его как совершенно Другое? Почему женщины не оспаривают мужское верховенство? Ни один субъект не признает себя ни с того ни с сего несущественным. Ведь не Другой, определив себя как Другой, определяет тем самым нечто, Другим его полагает Нечто, полагающее себя как Нечто. Но чтобы Другой не поменялся местами с Нечто, нужно, чтобы он подчинился чуждой ему точке зрения. Откуда это подчинение в женщине?» (Бовуар, 1989). Одним из важных моментов этого подчинения является материальное превосходство мужчины, которое до недавнего времени было характерной чертой самых разных культур.

«По мнению де Бовуар, этот факт истории не связан с женской сущностью, но определяется особенностями женского существования... Женская экзистенциальная ситуация радикальным образом отличается от мужской прежде всего потому, что с ней связана функция воспроизводства, которая с самого начала человеческой истории и разделения труда обрекает женщину, по мнению Симоны де Бовуар, играть пассивную роль в обществе». (Жеребкина, 2007: 104). Но кроме этого эссенциалистского положения С. де Бовуар дает и другое объяснение женской «вторичности» — выполнение мужской функции превращения женщины в объект, т. е. утверждение его отношения к Другому, а также добровольное принятие женщиной роли жертвы. В середине XX в., во время написания «Второго пола», это еще не ставилось под сомнение, но после сексуальной революции и многочисленных побед феминизма утверждение французской писательницы о безысходной «другости» женщины звучат скорее как уже преодоленный исторический момент. С. де Бовуар не отрицает возможности преодоления женщиной роли объекта и добровольной жертвы, но это преодоление возможно путем реверсирования оппозиции «мужское/женское», т. е. принятия женщиной маскулинной роли. Суть изменений, произошедших в последние десятилетия XX в., заключается не в реверсировании оппозиции, а в ее деструкции, в обретении женщиной права на собственную субъективность, собственный «голос», о чем неоднократно писали феминистские авторы. «Женское письмо» — явление, основанное на этом новом понимании женской субъективности, — легло в основу множества текстов современной культуры. Тем не менее мы видим, в особенности в популярной культуре, традиционную модель патриархатных ценностей, лежащую в основе многочисленных рекламных роликов, телесериалов, женских романов и т. д. Распространенность традиционной бинарной модели говорит о том, что положения «Второго пола» не устарели, несмотря на более полувека, про-

шедшего со времени их написания, и на драматические перемены в гендерной картине мира. Важность этой работы состоит во многом в ее парадоксальности, сочетании эссенциалистских и антиэссенциалистских идей, а именно эта парадоксальность и является основой той амбивалентности, которая сопровождает репрезентации женщин в текстах культуры. С одной стороны, в них утверждается ее изначальная «другость» женщины как объекта мужского взгляда, мужского вождения, с другой — стремление женщины говорить собственным языком, создавать собственное письмо, что также воплощено в множестве культурных текстов. Эта тема получила детальную разработку в гендерных исследованиях, в рамках которых существуют различные направления анализа текстов как популярной культуры, так и ставших классическими произведений художественной культуры в целом.

Новый виток исследований «другости» женщины связан с развитием постколониальных исследований, о которых мы писали выше. Здесь особо ярко проступает тенденция усиления внимания к «множественной другости», характерная для конца XX в. и связанная с осознанием множества разделов, которые пролегают через культуру и общество. Таким образом возникает повышенный интерес к Другому как женщине, являющейся одновременно этническим Другим, что является главной темой работ известной феминистской исследовательницы Бел Хукс. В то же время и само понятие «другости» подвергается переосмыслению, на место устоявшихся конструктов приходит понимание того, что «гомогенизированное понятие «другого» в традиционной западной бинарной логике связано с политическим механизмом лишения прав в стратегиях неокOLONIALИЗМА» (там же: 261). «Женщина» — это такой же конструкт, как и другие воображаемые целостности, такие как, к примеру, «Восток», служащие утверждению принципа бинаризма, но не выдерживающие более глубокого исследования принципов репрезентации. Этот вопрос был

поставлен Г. Спивак в ее работе «Могут ли угнетенные говорить?», в которой эта известная представительница гендерной теории признает, что «даже если в политическом плане создание воображаемого сообщества «мы» оправдано, то в теоретическом и этическом отношении это воображаемое «мы» выглядит иначе: например, монолитное женское «мы» распадается на множество гетерогенных и автономных субъектов, имеющих свой социальный статус, свой стиль жизни, социальный капитал и т. п.» (там же: 264). Заменяя жесткий бинаризм традиционных оппозиций на гораздо более сложные отношения «множественностей», можно говорить о Другом внутри «своей» культуры и Другом внутри «другой» культуры, что является распространенной культурной практикой начала XXI в.

3. СУБКУЛЬТУРНЫЙ ДРУГОЙ

Если этнический и гендерно обусловленный Другой представлены в текстах культуры с древнейших времен, то следующий выделенный нами тип Другого — субкультурный — появляется лишь в период открытия и концептуализации субкультур, т. е. во второй половине XX в.

Возникновение и развитие субкультур связано с тем, что ни одно общество не имеет униформной системы значений, восприятий или артефактов, одинаковых для всех его членов. «Локализация социальной группы в отношении к власти, авторитету, статусу, своему собственному ощущению идентичности — этнической, профессиональной или какой-либо другой — ведет к образованию субкультуры, чьей функцией является поддержание безопасности и идентичности данной группы и порождение набора значений, которые помогают ей справляться с проблемными ситуациями» (The Fontana Dictionary, 1989: 824). Субкультура, таким образом, является коллективным Другим по отношению к доминантной культуре. В широком значении все узнаваемые группировки в обществе имеют свою собственную иерархию ценностей, характерный внешний

вид и модели поведения. Но такое широкое понимание субкультуры снижает ее ценность как инструментального понятия, необходимого для анализа культуры. Понятие субкультуры применяется прежде всего для определения видимого и символического сопротивления реальной или кажущейся субординации, и это использование проясняет идеологические и материальные реакции таких разнообразных групп, как этнические меньшинства, бедные, молодежь, женщины, «девианты» и т. д. Наибольшее развитие понятие субкультуры получило в исследованиях, посвященных различным группам молодежи, где субкультурные реакции наиболее заметны (панки, скинхеды, хиппи и т. д.). Эти же субкультуры стали предметом многочисленных репрезентаций, особенно в популярной культуре. В исследованиях, посвященных молодежным субкультурам, которые начали проводиться в западной науке особенно интенсивно во второй половине XX в., основной акцент делался на стратегии сопротивления, характерной для различных группировок, на создание альтернативных стилей и норм поведения (Hoggart, 1957; Lefebvre, 1971; Hebdidge, 1981; Hall (ed.), 1976).

Со сменой культурной парадигмы в последние десятилетия XX в. субкультуры утрачивают свой оппозиционный статус, сохраняя стремление к дифференциации от других сегментов общества. Новые субкультурные практики ведут и к новой рефлексии со стороны исследователей, что выливается в создание такой области исследований культуры, как «постсубкультурные исследования». Их представители отказываются от жесткого противопоставления субкультуры и доминантной культуры, так как оба понятия оказываются размытыми в общем процессе деконструкции бинаризов. Постсубкультурные формации получают новые имена — «временные субкультурные сети», «неоплемена» или «клубные культуры» (Post-Subcultural Reader, 2003: 6). Если в середине XX в. для субкультур было характерно сопротивление влиянию культурной индуст-

рии, которое нередко принимало протестные контркультурные формы, то «субкультуры сегодняшнего дня отличаются тем, что занимаются продажей на рынке своих собственных идентичностей» (ibidem: 8). Становление субкультур связано с постоянным процессом присвоения их стилевых особенностей культурной индустрией, включение «дружости» в поле массового культурного производства, за которым следовало создание новой субкультуры с новыми формами «дружости» как протеста против истеблишмента. Этот процесс очень хорошо прослеживается на истории рок-музыки, каждая новая волна которой создает новые образы «бунтарей», но по мере поглощения массовой культурой входит в популярный мейнстрим и приобретает черты respectable-го и дорогого зрелища, где «дружость» — всего лишь роль, которую должен раз за разом исполнять музыкант, чтобы не нарушать правила игры со зрителем, которую он должен вести, чтобы оставаться в шоу-бизнесе². В постмодернистской культуре пафос протеста и утверждения собственной эксклюзивности уступает место сосуществованию различных субкультурных стилей и самоиронии в утверждении уникальности образа, поскольку в растражированных массмедиа практиках нет места претензии на «дружость», которая бы не была сопоставима с множественными Другими культурного пространства.

Исследование различных репрезентаций субкультурного Другого дает возможность говорить о переходе с позиций неприятия и отторжения, от концептуализации Другого как разрушительной силы, угрожающей стабильности общества, к восприятию «дружости» как естественного выражения разделов и границ, проходящих через культуру и социум. Если в первом случае представи-

тель «протестной» субкультуры бывает наказан, вплоть до разрушения собственной жизни как результата субкультурного стиля своего существования, то во втором он обретает себя внутри субкультуры и утверждает себя как личность именно через свое отличие от господствующих культурных норм.

ПРИЛОЖЕНИЯ

¹ Основными источниками «постколониальных исследований» принято считать книгу Э. Саида «Ориентализм» (1979) и работу Г. Спивак «Могут ли подчиненные говорить?» (1985).

² Процесс институализации «дружости» выразительно представлен в фильме М. Скорцезе «Роллинг стоунз: да будет свет» (2008), где пересекаются документальные кадры интервью и выступлений молодых «роллингов» с их пафосом бунтарства и музыкантов сегодня, в атмосфере легендарного успеха, дорогих концертных залов и сохраненного в качестве бренда внешнего облика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бовуар, С. де. (1989) Второй пол. М.
 Жеребкина, И. (2007) Субъективность и гендер. СПб.
 Тодоров, Ц. (1997). Введение в фантастическую литературу. М.
 Hall, S. (Ed.) (1976) Resistance Through Rituals. L.
 Hebdidge, D. (1981) Subculture. The meaning of Style. L. ; N. Y.
 Hoggart, R. (1957) The Uses of Literacy. L.
 Lefebvre, H. (1971) Everyday Life in the Modern world. L.
 Post-Subcultural Reader (2003) Oxford ; N. Y.
 The Fontana Dictionary of Modern Thought (1989) K.

(Окончание следует)